

The book cover features a rich, dark red background. A complex, ornate border in gold thread surrounds the central text. The border is composed of multiple layers: an inner frame of stylized leaves and vines, a middle band with various animal figures (including a lion, a unicorn, and a dragon), and an outer decorative edge. The central text is written in a bold, gold, serif font.

АМЪЕН.
ЛЕТОПИСЬ
ДРЕВНИХ
ВРЕМЕН

Амьен

Елена Верховская

Амьен. Летопись древних времен

«Автор»

2026

Верховская Е.

Амьен. Летопись древних времен / Е. Верховская — «Автор»,
2026 — (Амьен)

Это вторая книга про приключения Амьен. Героиня случайно оказывается свидетелем страшных событий. Зло, пробужденное колдовством, смертельно опасно для людей. Только чудо может подарить надежду на спасение. Но чудеса не случаются сами по себе — они творятся руками человека. И эту непростую ношу по спасению всего мира придется взять на себя юной девушке и ее друзьям.

© Верховская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Легенда о птице Синь	5
Выбор пути	7
Старый враг — новый друг	9
Учебник на двоих	12
Известие о бале	14
С кем же идти на бал?	16
Открытие бала	18
Злая шутка	20
Рождество и перемирие	23
Необычная книга из необычной библиотеки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Верховская

Амьен. Летопись древних времен

Легенда о птице Синь

Только один раз в году на вершину далеких гор ложится плотный туман. В этот день на лазурную ветку Синего дерева спускается с неба птица Синь. Она всю ночь поет свою песню так, что природа вокруг замирает и даже хищные звери и птицы не выходят на охоту. Серебристые рыбки в прозрачной лазурной тьме горного озера неподвижно зависают в ледяной воде и только слегка пошевеливают плавниками. Все внимает чудесному пению, вслушиваясь в красоту мелодии.

На рассвете птица покидает землю до следующего года. Задев о ветки дерева, иногда она роняет перо, и то плавно опускается на траву, покрытую утренней росой. Перо небесной птицы также остается на земле не более дня, а потом исчезает без следа.

Не успела замереть листва на ветке, с которой только что спорхнула птица Синь, как к подножию дерева опрометью бросился человек в поношенной рваной одежде. Он судорожно начал перебирать стебли молодой травы, пытаясь отыскать что-то в темноте. В ярости отбрасывая камни, он до крови обдирал пальцы, но его это не заботило. Наконец, победоносно вскрикнув, мужчина вскинул вверх руку с зажатым в кулаке тонким пером.

Кубарем, не чувствуя под собой ног, он бросился прочь с горы. Тишину утреннего воздуха разрывал дикий хохот, похожий на сдавленные рыдания. Мужчина торопился как мог. Ведь тот, кто найдет перо птицы Синь, может переписать страницу судьбы в «Летописи древних времен», но только до истечения следующего дня. Как только чернила впитаются в бумагу, перо вспыхнет синим пламенем и сгорит. И тогда история изменит свой ход: Колесо времени и событий повернется вспять. Строчки, выведенные пером, могут вернуть на землю пропавшие города, изменить ход великих войн и возвести на царство другую династию, не ту, которая правила по стечению обстоятельств. И это единственный способ вернуть к жизни умершего человека.

Мужчине, который несся со склона горы как сумасшедший, во что бы то ни стало нужно было успеть сделать запись пером птицы Синь в «Летописи древних времен» в ночь зимнего полнолуния. Совершив задуманное, он опять отправился в путь. Не чувствуя усталости, он бегом пробирался по горным тропам, пока не выбрался на освещенную холодным лунным светом площадь Мертвого города. Сбавив скорость, он пробирался среди развалин, стараясь не потревожить кочевых стражей. Это было нелегко, но он как свои пять пальцев знал все тайные тропинки и выходы из каменной западни.

На краю песчаного плато, за которым уютно свернулась калачиком спящая сельская деревня, его ждала старая машина, вплотную прижатая к пошатнувшемуся заброшенному сараю. Своими проржавевшими крыльями она была неуловимо похожа на хозяина: такая же неприкаянная и жалкая, потрепанная жизнью.

Мужчина не смог с первого раза попасть в замок зажигания, потому что ключ в его руке ходил ходуном. Наконец он завел двигатель, машина с визгом сорвалась с места и помчалась по узкому горному шоссе, петляющему между частоколом дорожных столбиков, установленных на каменистой насыпи.

Холодная луна равнодушно взидала с высоты на притихшую землю. Ничего не подозревающие люди спокойно спали в своих домах. Звери и птицы притихли в норах и гнездах в

ожидании наступающего дня. Все в мире было так же, как и всегда, и ничего не предвещало ужасной катастрофы, грозившей всему живому.

Выбор пути

За несколько месяцев до вышеописанных событий в Академии высоких искусств Астрополис разыгралась нешуточная драма. Амьен и ее друзья перешли на второй курс. Пришло время разбиваться на классы, в которых особое внимание уделялось тем предметам, что понадобятся при овладении будущей профессией.

Мари-Энн без колебаний выбрала естественные науки, так как хотела и дальше изучать свою любимую медицину. Теорию она знала неплохо, но вот с практикой возникли небольшие проблемы. Дело в том, что для практики нужны были настоящие пациенты, однако друзья Мари-Энн быть пациентами решительно не хотели. И от любых ее попыток вылечить простуду или помазать зеленкой царапину все трое старательно увиливали. Поэтому она уже в первый год пребывания в Астрополисе, можно сказать, поселилась в кабинете профессора Ракушки, где после основных занятий оказывала помощь птицам и зверушкам. Чайки со сломанными крыльями, бурундуки и зайцы, которых угораздило повредить лапку, — все попадали в заботливые руки Мари-Энн, и та с энтузиазмом лечила их. К радости девочки (которую не всегда разделяли ее подопечные), шансов увернуться от лечебных процедур у них не было. Но Мари-Энн была педантична и настойчива, все, кого она лечила, рано или поздно выздоравливали, и это делало честь начинающему доктору.

Этьен и Даниэль тоже были уверены в своем выборе. Они записались на курс точных наук под руководством профессоров Веллингтона и Мирадора. Это решение было продиктовано еще и корыстным расчетом: ребята могли по очереди записывать лекции и распределять работу над домашними заданиями. Освободившееся время они посвящали научным экспериментам и решениям особенно сложных задач для старшекурсников.

Из их компании только Амьен колебалась. Выбирая между кафедрой прикладного творчества и кафедрой истории, философии и высоких искусств, она несколько раз меняла свое решение. С одной стороны, она с детства мечтала о том, чтобы стать архитектором и строить красивые дома. Ее завораживали классические греко-римские фасады, стрельчатые готические арки и витиеватые узоры в стиле барокко и рококо. Иногда во сне она видела конструкции, не похожие ни на что, таких домов в мире еще не было. И что самое интересное, ей открывались не только фасады, но и вся «начинка» этих домов, от фундамента и инженерных коммуникаций, до черепицы на крыше.

Но после пробуждения девочку вновь начинали одолевать сомнения. Ведь архитекторы — великие люди. Они построили собор Святого Петра в Риме, Тадж Махал в Индии, Вестминстерское аббатство в Англии, Исаакиевский собор и Храм Василия Блаженного в далекой России, Нотр-Дам в романтическом Париже. Все эти шедевры она видела на картинках в книгах Пьемона, а в своем родном городе могла насладиться роскошным кафедральным собором, который был возведен еще в XIII веке. И вместе с восхищением в ее душу закрадывался страх: неужели она, маленькая девочка, сможет сделать что-то похожее? Но победа ее проекта «Гурмания» на выставке «Архибудущее» (она получила приз зрительских симпатий) вселяла в нее надежду все-таки стать архитектором.

В то же время Амьен всей душой успела полюбить ювелирное дело. Она умела проникнуть в тайны камней, а те наделяли ее своей энергией и силой. Кроме того, она чувствовала, что обязана продолжить дело своего отца, признанного мастера известного французского ювелирного дома. Кто же, как не она, единственная наследница рода Готье, будет всем этим заниматься, кто защитит дело ордена Хранителей? Раздираемая этими сомнениями, девочка до последнего дня так и не смогла сделать выбор, потому что чаша весов поочередно склонялась то в одну, то в другую сторону.

Как-то Амьен с горечью сказала Даниэлю:

— Какая-то я трусиха. Вот вы точно знаете, чего хотите. А я не могу даже себя понять, не то что других людей!

— Так это и есть самое сложное — понять свое истинное желание, — философски заметил ее друг. — Если бы все его понимали и следовали своему сердцу, то скольких ошибок можно было бы избежать. Я думаю, многие несчастные и оступившиеся люди, пьяницы и злодеи, несчастны именно из-за того, что не нашли себя. В них что-то отмирает, то, что могло бы приносить пользу другим.

Амьен с ужасом уставилась на него:

— То есть если я ошибусь, то я буду несчастной и... пьяницей? И я могу умереть?

— Нет, — рассмеялся Даниэль, — я же не про настоящую смерть говорю, а про отмирание желаний. Ну... когда душа не может выразить то, что для нее близко. Я за тебя и не волнуюсь совсем: ты ведь не выбираешь между физикой и архитектурой или медициной и ювелирным делом. Тебя привлекает творчество. Понимаю, тяжело определить, что для тебя важнее. На самом деле я догадываюсь, что тебе надо, и абсолютно уверен, что ты в конце концов сделаешь правильный выбор.

Увидев ее вопросительный взгляд, он тут же замахал руками:

— Ничего советовать не буду! Ты должна все решить сама. Положись на интуицию — что она тебе подскажет.

С этими словами Даниэль вышел, и Амьен опять осталась наедине со своими сомнениями. Но она поймала себя на том, что ей стало гораздо спокойнее. Все же приятно, когда в тебе уверены близкие друзья! Она все больше убеждалась в том, что решение само придет к ней в нужный момент. К ее удивлению, накануне первого дня занятий Амьен заснула мгновенно, только положив голову на подушку, хотя до этого промучилась не одну ночь, ворочаясь с боку на бок.

Утром она встала с легким сердцем и с удовольствием позавтракала тостами с апельсиновым джемом. За завтраком она вспомнила свой сон: удивительный город с белыми колоннами, уходящими в небесную высь. Она гуляла по просторным улицам и тенистым паркам, любовалась фонтанами и арками. Замысел архитектора, который придумал все это, казалось, повторял далекую мечту ее детства. Это был город, в котором так хорошо заниматься творчеством. Город без тесных улиц и мрачных домов. Город, открытый небу. Город радости. Именно такой, в каком хочется жить вместе с лучшими друзьями.

В первый день нового учебного года в Астрополисе Амьен из рода Готье стала ученицей кафедры истории, философии и высоких искусств, намереваясь посвятить себя изучению архитектуры. Единственное, что омрачало ее радость, — Рене Люмьер, ее враг, также оказался учеником этой же кафедры: свое будущее он связывал с управлением высокой политикой.

Старый враг — новый друг

Здесь нужно вспомнить, что первый раз Амьен и Рене столкнулись еще в Нордбридже. И их встреча могла бы закончиться большими неприятностями для девочки, не вмешайся старый ювелир Пьемон. Потом судьба свела их в Астрополисе. Рене, сына местного богача, до дрожи раздражало то, что в элитной школе учиться дочь простой кухарки, и он все время старался обидеть девочку. Преподаватели, согласно политике школы, по возможности старались не принимать в конфликтах сторону кого-либо из детей, так что Амьен должна была выкручиваться сама. От Рене страдали и другие ребята, он был первым зачинщиком в драках. Но взрослые все ему прощали. Видимо, из-за отца. Правда, поговаривали, что его отец, человек в Нордбридже известный, нажил богатство нечестным путем, а самые смелые шептались о его связи с бандитами и торговцами краденым. Но прямых доказательств не было, поэтому на приемах в высоких домах Нордбриджа чета Люмьер появлялась регулярно. Мать Рене всех поражала своими шикарными нарядами и до неприличия крупными бриллиантами.

Но как бы там ни было, Рене считался одним из лучших учеников в классе. Ему прочили политическую карьеру и говорили, что он далеко пойдет. Вне всякого сомнения, если учесть то, что уже в школе он решил опробовать на своих друзьях грязные приемы манипулирования. И разгадать его истинные замыслы было трудно.

На первом занятии он подошел к Амьен, протянул ей руку и тихо произнес:

— Давай забудем наши прошлые недоразумения. Мы теперь учимся в одной группе, и будет лучше, если между нами не останется обид.

Амьен недоверчиво взглянула на своего врага из-под опущенных ресниц, думая, что ей это снится. Неужели он настолько изменился за лето? Но девочка привыкла видеть в людях только хорошее, поэтому она протянула ему открытую ладонь:

— Конечно, никаких обид! Я даже рада, а то на душе камень!

Рене с облегчением вздохнул:

— Я знаю, что ты вправе держать на меня зло, но я сейчас жалею о том, что раньше обижал тебя. Больше такого не повторится!

С этого дня Рене стал подсаживаться к Амьен на общих для всех лекциях, когда рядом не было Даниэля или Мари-Энн — их он по-прежнему недолюбливал.

Амьен с удивлением обнаружила, что Рене знает не меньше, чем эрудированный Этьен. Впрочем, это было объяснимо. Родители Рене не скупилась на репетиторов, покупали ему лучшие книги и возили в путешествия. К своим четырнадцати годам Рене где только не побывал. Для Амьен, выросшей в Айлендхаусе, откуда они с мамой переехали в Нордбридж, ее прошлогоднее путешествие в Замок Ангелов стало настоящим приключением. Вместе с друзьями она впервые попала во Францию. Замок в Пикардии, вблизи города Амьен, оказался родовым поместьем ее отца. И именно в честь этого города она носила свое необычное имя. Но Рене... сколько же он повидал интересного! Однажды девочка восхищенно заметила:

— Я была только в городе Амьен, но у меня с детства мечта побывать в Риме, Венеции, Афинах... Но особенно в Париже. Ты ведь там уже был и видел Эйфелеву башню. Она и правда такая высокая?

Рене пожал плечами:

— Высокая, конечно. Стоит металлическая каланча посреди города, ничего хорошего, на мой взгляд. Куда больше мне понравился Лувр. Вот это дворец! Вот это мощь. Настоящее олицетворение власти!

— А Мона Лиза, какая она? Неужели от нее невозможно отвести взгляд, и она смотрит прямо на тебя, куда бы ты ни встал?

Но Рене совершенно не разделял и эти восторги Амьен:

— Маленькая картина. Глазки у Моны Лизы крошечные, да и сама она не красавица. Вообще непонятно, из-за чего столько шума! Есть столько красоток, пусть и неизвестными художниками нарисованных. Они куда как лучше, чем эта серая мышь.

Вот этого Амьен не могла снести, ведь Леонардо да Винчи был ее кумиром. Не только художник, но и ученый, изобретатель, инженер. Великий человек — великий во всем. Она с горячностью возразила:

— Красота и в жизни, и в искусстве — это не только правильные черты лица и идеальные формы. Это гармония внешнего и внутреннего, это настоящая жизнь, переданная в красках, камне или металле. Я видела лишь репродукцию, но и она поразила меня. Даже сейчас, закрыв глаза, я вспоминаю ее спокойный взгляд, сложенные руки и нежную улыбку. А вот красивые и яркие картинки, что продаются на рынке, я при всем желании не могу вспомнить уже через минуту. Их тысячи, а Мона Лиза — одна!

— Ну ладно, ладно, — неожиданно покладисто согласился Рене. — Возможно, ты права: недаром весь мир ею восхищается, и эта картина стоит миллионы. Но почему ты так интересуешься Францией? Ведь есть и другие места.

Амьен со вздохом согласилась:

— Да, у меня мечта объездить весь мир, как сейчас моя мама. Но начать я бы хотела с Франции, ведь мой отец родом оттуда.

— Твоя мама путешествует по миру? Но это же очень дорого!

Рене выглядел по-настоящему озадаченным. Амьен рассмеялась:

— Это не то, что ты думаешь. Она — повар. Устраивается работать в рестораны в тех странах, куда ее заносит судьба. Этим и зарабатывает на жизнь.

— Это несерьезно, — скептически заметил Рене. — Я люблю ездить с комфортом и, главное, иметь возможность посмотреть все достопримечательности. Для этого нужны деньги и свободное время. А иначе теряется весь смысл путешествий.

Амьен хотела возразить, что ее мама, в отличие от туристов, видит жизнь в разных странах изнутри, а это в сто раз интереснее, чем ходить на экскурсии, но не успела.

— Ее мама тоже могла бы путешествовать, как и все богачи, если бы не отказалась от наследства. Так что кичиться деньгами не стоит: не для всех это мера успеха и счастья. Иногда люди выбирают нечто другое.

Это сказала Мари-Энн, которая подошла незаметно и теперь стояла подбоченившись, готовая защищать и Амьен, и Эльзу от нападок Рене. Но Рене услышал только одно:

— Твоя мама отказалась от наследства? Но почему? Ведь тогда ты могла бы иметь нормальный дом и приличных знакомых.

Он с непониманием смотрел на Амьен, а та покраснела и уже не рада была поддержке со стороны подруги.

— Да, это правда, отец оставил нам с мамой семейный замок. Но когда мы в сопровождении адвоката приехали туда, то увидели, что в замке живут дети. Оказывается, про завешание во Франции никто не знал, и местные власти отдали его монастырю. А монахи, в свою очередь, устроили там приют для сирот, потому что старое здание пришло в упадок.

— Ну и что с того? Это их проблемы... — пожал плечами Рене.

— Но мы же не могли выгнать несчастных детей на улицу! Поэтому мы вернулись в Нордбридж и решили, что будем жить по-старому. Нам и так неплохо!

Мари-Энн с восхищением смотрела на смущенную Амьен, а Рене — с неприкрытым удивлением, смешанным с жалостью. К счастью или к несчастью, но девочки этого не заметили. Вскоре Рене удалось растопить даже холодное сердце Мари-Энн, и теперь они все чаще проводили время втроем. Что до Даниэля с Этьеном, то они эту дружбу точно не одобряли.

Но и не препятствовали: профессор Мирадор загрузил их по полной программе, и им просто некогда было отговорить девочек от сомнительного сближения.

Учебник на двоих

Амьен на ходу рылась в сумке, хотя знала, что делает это напрасно. Утром она забыла положить учебник, а ведь сегодня семинар по философии, истории религий и тайных обществ. Больше всех других преподавателей она побаивалась профессора Маралиса Роттери, седого сгорбленного старичка, кутавшегося в плотную черную мантию в любую погоду. Хотя его взгляд из-под нависших бровей был скорее доброжелательным, чем строгим, что-то в профессоре смущало девочку.

Рене уже сидел в аудитории и, заметив Амьен, приветливо замахал ей рукой. Она под села к нему.

— Ты что так поздно? Профессор Роттери терпеть не может, когда кто-то опаздывает. Еще чуть-чуть, и он бы дверь закрыл: кто не успел, тот опоздал.

— Да, хорошо хоть успела! — выдавила Амьен. — Только вот учебник я сегодня забыла.

— Ничего, будем по одному заниматься. — Рене пододвинул к девочке раскрытый посередине увесистый фолиант с черно-белыми старинными литографиями.

Профессор Роттери оглядел притихшую аудиторию, откашлялся и начал лекцию:

— Мы с вами уже говорили об одном из самых таинственных обществ в истории человечества. Об ордене тамплиеров. Он был основан в 1119 году группой рыцарей во главе с Гуго де Пейном, когда они вернулись из Первого крестового похода. Как вы уже знаете, про этот орден до сих пор ходит множество легенд. Он окутан тайнами, пожалуй, более темными, чем любое из самых известных обществ. Однако сегодня мы коснемся тайны тайн, легенды легенд. Кто из вас слышал о святом Граале?

Рука Рене взлетела в воздух, и профессор дал знак, что можно говорить.

— Грааль — это чаша, из которой Иисус Христос пил вино на Тайной вечере и в которую была собрана его кровь из ран, — затараторил Рене. — Ей приписываются великая сила и чудесные свойства. К сожалению, она исчезла без следа.

Благосклонно кивнув, профессор продолжил:

— Действительно, никто не знает, где находится чаша Грааля. И это при том, что многие другие христианские реликвии сегодня доступны к осмотру. Так, Туринская плащаница хранится в соборе святого Иоанна Крестителя в Турине. Терновый венец — в Париже, в Нотр-Дам де Пари. А мраморная лестница, по которой Иисус поднимался на суд во дворце Пилата, установлена в Риме.

Ученики зашумели, раздался чей-то голос:

— Получается, что лестницу, часть дома, перевезли в другой город, за много километров от древней Иудеи?

Старый профессор пожал плечами:

— Это не тема нашей сегодняшней дискуссии — как в древние времена решались такого рода задачи. Думаю, перевезти в двадцатом веке мраморную лестницу из Иерусалима в Рим значительно проще, чем за 3000 лет до нашей эры поставить в пустыне каменных сфинксов и пирамиды. На другом уроке мы коснемся этого вопроса, а пока я продолжу про Грааль.

Сосед Рене и Амьен, хмыкнув, шепнул:

— Вот противный! Неужели трудно сказать? Ведь это гораздо интереснее узнать — как перетаскивали лестницу на другой конец света, чем слушать пустые сказочки про чашу, которая исчезла.

Но Рене отрицательно покачал головой и так же шепотом ответил:

— Ты что, это же очень круто! Мой отец как-то обмолвился, что он знал людей, которые искали этот самый Грааль. Какое-то тайное общество, очень богатые и влиятельные люди.

Профессор тем временем задал очередной вопрос:

— Как вы думаете, почему за святым Граалем гонялись крестоносцы, тамплиеры, масоны и даже рыцари Круглого стола?

Рене, всегда активный на занятиях профессора Роттери, опять поднял руку.

— Считается, что испившему из чаши Грааля отпускаются все грехи, он получает богатство, самые разные блага и даже вечную жизнь.

Роттери кивнул и продолжил:

— Что может быть привлекательнее для человека, чем деньги и власть? Конечно же только одно — бессмертие! Абсолютно любой человек на Земле может добиться неограниченной власти, может стать богатым, но вот смерть рано или поздно найдет и царя, и вассала. И сильные мира сего, естественно, хотели бы найти рецепт вечной молодости. Так вот, святой Грааль, этот уникальный источник всего, о чем только можно пожелать, якобы был найден и спрятан тамплиерами. И до сих пор самое существование чаши, так же, как и место, где она спрятана, одна сплошная загадка. Как вы думаете, ищут ли чашу сегодня? И кому она нужна? В каких целях?

Рене опять поднял руку и с вызовом ответил:

— Грааль точно существует. И те, кто его ищет, знают, где его можно найти. А найдет его тот, кто стремится покорить весь мир.

Профессор опять благосклонно кивнул и продолжил:

— Действительно, в первую очередь за рецептом бессмертия охотились те, кто был заинтересован в долгосрочных амбициозных проектах. Как мы видим из истории, все великие империи исчезли с лица земли после смерти лидеров, их создавших. Самым наглядным примером является империя Александра Македонского. Вот почему сильные мира сего связывают с Граалем надежду не только захватить власть, но и бесконечно удерживать ее. Пожалуйста, найдите в книге отрывок про то, как описывают чудеса Грааля крестоносцы.

Рене склонился над учебником вместе с Амьен, и их волосы соприкоснулись. В это время мимо аудитории проходили Даниэль с Этьеном. Увидев через открытую дверь идиллическую картинку, Даниэль сжал кулаки.

— Да ладно тебе, — миролюбиво заметил Этьен, покачав головой. — Между ними все равно ничего нет. Просто они вместе учатся, и у них учебник один на двоих.

Даниэль с притворным равнодушием пожал плечами:

— Мне все равно, с кем Амьен встречается. Но я не доверяю Рене, и вряд ли что-то способно изменить мое мнение. Думаю, у него есть кое-что на уме, а дурочка Амьен ничего не замечает, кроме его светлых локонов и голубых глаз. Внешность ангельская, а сам последний подонок.

— Если хочешь, можем поговорить с девчонками, — предложил Этьен, но Даниэль отрицательно покачал головой:

— Думаю, не стоит пока. Сейчас какой-никакой мир. А это во сто крат лучше ссоры.

Однако вскоре все изменило внезапное происшествие.

Известие о бале

Учеба в Астрополисе хоть и была страшно интересной, но почти не оставляла свободного времени. К середине осени даже не самые старательные из учеников выглядели утомленными, но до каникул было еще далеко. А тут еще пошли разговоры, что Хэллоуин в этом году отмечать не будут. Слухи оказались верными, но особого повода для огорчений не было — вместо Хэллоуина профессор Веллингтон, директор Астрополиса, распорядился провести бал-маскарад Первого дня зимы.

— Для нас это будет репетиция Нового года, — пошутил он. И тут же добавил: — Требование к вам только одно. Мы решили выбрать темой бала Средневековье. Поэтому вы должны создать образ в стиле этой эпохи. Библиотека Астрополиса вам в помощь: у нас есть немало книг по истории средневекового костюма. Также к вашим услугам костюмерная нашего театра. И прошу ознакомиться с правилами этикета того времени, чтобы не было казусов, когда вы захотите пригласить даму на танец.

Кто-то из мальчиков фыркнул:

— Вот скуотища — танцевать весь вечер с девчонками!

— Прошу прощения, но футбол тогда был не в моде, — тут же парировал Веллингтон. — А кто не хочет танцевать с прекрасными дамами, тем прямая дорога в придворную стражу. Возможно, кому-то это понравится больше: стоять навтыжку с мечом и отдавать каждому честь.

Гул в зале усилился, мальчишки никак не могли решить, что все-таки лучше. А девочки, все без исключения, после объявления о бале озаботились выбором платьев. Амьен с Мари-Энн не стали исключением. Как и советовал Веллингтон, они пролистали в библиотеке богато иллюстрированные книги, затем посмотрели, что есть в костюмерной, и теперь после уроков целыми вечерами просиживали в гостиной с иглоками и нитками, склонив головы над шитьем.

За украшение зала отвечала Розамира, преподаватель литературы и изящных искусств, и все четверо, Амьен, Мари-Энн, Даниэль и Этьен, не могли отказать ей в помощи. Девочкам было поручено придумать, как оформить вход, но самое главное — составить меню праздничного ужина, которое пришлось по вкусу всем школьникам и при этом отвечало бы самым строгим средневековым традициям.

Мальчики вместе с профессором Веллингтоном запирались после занятий в кабинете алхимии. Домой они приходили усталые, но все же находили в себе силы готовиться к занятиям.

— Что вы там все химичите? — пристала к ним как-то с расспросами любопытная Мари-Энн.

— Пусть это будет сюрпризом, — отмахнулся Этьен, усиливая интерес.

— Ну и пожалуйста! Мы тоже не скажем, что будет на ужин!

Но Этьен лишь плечами пожал:

— Вот и прекрасно! Пусть будет что-то неожиданное для нас. Уверен, мы будем приятно удивлены. Надеюсь, никаких новомодных вегетарианских меню? Я не против, если кто-то хочет зелень пожевать, но сам предпочитаю хорошо прожаренный бифштекс.

Амьен с притворным ужасом толкнула Этьена в бок:

— Ну ты и обжора! Знай, можно и без мяса вкусно поесть.

Мари-Энн засмеялась:

— Не волнуйся, Этьен, мы позаботились о том, чтобы порадовать всех, в том числе и любителей мясного. Однако должна тебя предупредить: те, кто ест много мяса, становятся агрессивными.

— Да? А я-то думал, что наоборот: злобными становятся вегетарианцы и те, кто старается ограничивать себя в еде.

— Я лично могу есть все что угодно, — примирительно заметил Даниэль. — Но вот без сладкого к чаю или без праздничного десерта точно не проживу.

— А вот сладкое надо строго ограничивать. От него может развиться ожирение, — строго заметила Мари-Энн.

Этьен и тут нашел что сказать:

— Быстрые углеводы стимулируют усиление мозговой активности. Совсем без сахара нельзя.

Пока длилась эта дискуссия, Амьен быстро поставила на стол тарелку с имбирными пряниками, малиновое варенье и четыре чашки:

— Предлагаю совместить обсуждение полезных свойств еды с ее поглощением. Налегайте на углеводы. Приправленные имбирем и разными специями, они повышают не только интеллект, но и настроение в целом. После совместного чаепития, за которым вся четверка весело болтала, как в старые добрые времена, Амьен и Даниэль остались в гостиной одни, Этьен и Мари-Энн ушли мыть посуду.

Слегка волнуясь, Даниэль спросил:

— А... ты с кем пойдешь на бал?

Вопрос смутил девочку.

— Понимаешь... я сначала думала, что мы пойдем всей нашей компанией. Но меня пригласил Рене... в тот же вечер, когда Веллингтон объявил о празднике... Я очень хочу пойти с вами, но мне теперь неудобно... даже не знаю, как быть... Может, впятером?

Даниэль пожал плечами и с притворным равнодушием бросил:

— Не переживай, я пойду с ребятами. Просто твой Рене не в моем вкусе.

Амьен хотела сказать, что Рене «не ее», но Даниэль резко поднялся и вышел из гостиной.

Девочка потерянно сидела за столом. Ей казалось, что привычный мир рушится. И зачем только она связалась с этим Рене?.. Конечно, с ним бывает интересно. Да и на уроках он не раз выручал ее. Но если выбирать между ним и Даниэлем...

Нет-нет, такого вопроса и стоять не может. Надо будет завтра обязательно поговорить с обоими, решила она и с тяжелым сердцем отправилась спать.

С кем же идти на бал?

— Нет, ну какой нахал! — лицо Мари-Энн разгорелось от возмущения, и первые несколько минут Амьен не могла добиться от нее ни одного внятного слова, кроме обвинений в адрес непонятно кого. Каково же было ее изумление, когда выяснилось, что речь идет о Даниэле!

— Подожди, подожди, как ты сказала? — Лицо Амьен залилось краской.

— Он пригласил на бал Анну? Девочку из младшего класса?

— Ну да, представляешь? Я сейчас сидела в библиотеке, а они договаривались, во сколько и где встречаться. А еще друг называется! — Глаза Мари-Энн сверкали от ярости.

Амьен тяжело вздохнула:

— Что же, это было ожидаемо. И справедливо.

— О чем это ты? — вскинула брови Мари-Энн.

Амьен снова вздохнула и призналась:

— Он приглашал меня на бал. Но до этого меня уже пригласил Рене. Я-то думала, мы пойдем все вместе...

— Эх ты, дурында, — сокрушенно покачала головой Мари-Энн. — И как ты это себе представляла? А, ну да, ты с Рене учишься вместе и вынуждена терпеть его присутствие.

— Я не вынуждена терпеть, — горячо возразила Амьен. — Оказалось, он вполне нормальный парень.

— Допустим, — фыркнула Мари-Энн. — Но ты же знаешь, что ребята его терпеть не могут. Согласна, он стал более адекватным, чем в прошлом году, но это еще не повод для такой дружбы, как у нас.

— Ну и пожалуйста, — обиженно произнесла Амьен. — Не очень-то мне и хотелось идти с Даниэлем. И я уже сказала Рене, что мы, скорее всего, пойдем все вместе.

— Ну-ну, посмотрим. Еще не факт, что этот Рене с тобой пойдет. Он же врун, каких свет не видывал.

Слова подруги еще больше разозлили Амьен. Она насупилась и вылетела из комнаты, хлопнув дверью так, что задрожали стекла. Но уже через полчаса вернулась обескураженная и плюхнулась на диван с расстроенным лицом.

Не выдержав затянувшегося молчания, Мари-Энн спросила:

— Ну и что Рене?

Амьен опустила глаза:

— Представляешь, я пришла к нему, а он был с Ритой. Они смеялись и обсуждали бал. Я решила, что и она пойдет с нами. Ну, все вместе... Вот я и спросила, когда и где мы встречаемся.

А эта тупица Рита так нахально улыбнулась, обняла Рене и спросила у него приторным голоском: «Милый, ты ведь зайдешь за мной, и мы пойдем вдвоем?»

— И что Рене? — В ожидании ответа Мари-Энн даже вперед наклонилась.

Амьен махнула рукой, и у нее на глазах выступили слезы.

— Он прижал ее голову к себе и, не глядя на меня, так же сладенько ответил: «Конечно, малыш!» Как будто меня рядом не было! Но я же не совсем дура, он до этого у меня спрашивал, с кем я пойду на бал... — Тут у Амьен вытянулось лицо, и она хлопнула себя по лбу: — Ох, ну конечно! Он же меня не приглашал, а только спрашивал.

Мари-Энн покачала головой и скептически заметила:

— Этот нахальный белобрысый хореk наверняка спросил так, что ты решила, что он тебя приглашает... Вот что, ты должна поговорить с Даниэлем, — решительно добавила она.

Но Амьен отрицательно покачала головой:

— Ну уж нет. То, что я выставила себя душой с Рене, это ладно. Но выглядеть полной неудачницей перед Даниэлем я точно не хочу.

— И с кем же ты пойдешь на бал?

— А что, обязательно с кем-то идти? И вообще, ты же знаешь, я не веселиться туда иду, а работать.

— Ну-ну. — Мари-Энн с сомнением посмотрела на подругу. — Это же праздник. Все будут танцевать, а ты?

— Может быть, я принца там встречу? — Амьен с трудом выдавила улыбку.

Мари-Энн сжалилась и решила не говорить, что насчет принца подруга явно погорячилась: среди учеников Астрополиса было много интересных ребят, но принцев...

Поэтому она примирительно кивнула:

— А что, вполне возможно!

А сама подумала, что стоит поговорить с Даниэлем, рассказать ему о предательстве Рене. Конечно, лучше не лезть в чужие отношения. Но кому, если не лучшей подруге, позаботиться о том, чтобы слишком доверчивая Амьен не скучала на балу в одиночестве, когда все будут веселиться?

Открытие бала

Вечером первого декабря парадный зал Астрополиса был ярко освещен огнями. Гостей встречала Розамира в наряде средневековой принцессы. Ее роскошные волосы украшал *эннен*, высокий головной убор с длинной вуалью, достающей до пола. Зеленый шелк обволакивал стройную фигуру и расходился книзу пышной юбкой, подол которой был украшен вышитыми птицами и цветами.

Дух Средневековья чувствовался во всем. Стол был сервирован старинными тарелками и серебряными кубками, добытыми в тайных запасниках академии (в эти запасники Амьен и Мари-Энн были допущены профессором Веллингтоном под строгим надзором Розамиры). В углу зала музыканты негромко играли на флейтах и виолах. На стенах висели гобелены со сценами рыцарской жизни, самый большой гобелен изображал королевский бал: придворные кавалеры почтительно склонились перед прекрасными дамами, приглашая их на танец. В центре зала была фигура огромного дракона с раскрытой пастью. Каждая его чешуйка блестела и переливалась, отражая свет. Красные глаза сверкали как живые. Казалось, еще немного, и дракон, взмахнув крыльями, выпустит из пасти сноп огня.

Во главе стола в огромном дубовом кресле сидел профессор Веллингтон. Он сменил свою обычную одежду на голубую тунику, поверх которой был накинут длинный темно-синий плащ с вышитым золотыми нитями рыцарским гербом. Голову профессора венчала корона в виде обруча, а его невзрачная палка была заменена на увесистый золотой посох.

Девочки пришли на бал заранее, чтобы подготовиться к приходу гостей. Амьен, у которой был успешный опыт создания кулинарного проекта, распорядилась, чтобы блюда на стол подавались в определенном порядке. Они с Мари-Энн успели попробовать все самое вкусное, и есть им совершенно не хотелось. Обе радостно приплясывали, ожидая начала танцев.

— Ты видишь Даниэля? — Амьен оглядывала зал в поисках друга.

— Нет, но я видела Анну. И она почему-то была с подругой, а потом к ним подошли двое ребят из их класса.

— Ты думаешь, он передумал идти с ней? — В голосе девочки прозвучала надежда.

— Не знаю, — пожала плечами Мари-Энн. — Я знаю только то, что Даниэль с Этьеном все время пропадали в лаборатории, что-то готовили к празднику. Ой, смотри, а вот и Рене. Ну, этот-то пришел с Ритой и... с большой компанией. Тоже мне, свидание! — Мари-Энн презрительно фыркнула.

Амьен покраснела. Ей до сих пор было стыдно вспоминать о своей ошибке. В преддверии вечернего праздника обед в Астрополисе был весьма легким, поэтому все принимались к манящим ароматам, доносившимся с кухни. Но, к всеобщему разочарованию, приглашение к столу последовало не сразу. Средневековый протокол предполагал еще и приветствие хозяина замка, так что школьники приготовились выслушать речь директора академии.

Профессор Веллингтон, надо отдать ему должное, говорил, как всегда, коротко и по делу:

— Дорогие гости, я рад видеть вас на праздновании Первого дня зимы. Думаю, в Астрополисе зарождается отличная традиция. Мы каждый год можем проводить бал, посвященный какой-то теме: например, античному периоду, эпохе Возрождения, барокко и классицизма. Темой бала мы можем выбирать разные страны с их историей и национальными традициями. На мой взгляд, лучшим изучением прошлого является погружение внутрь времени в формате игры. Однако в любой игре есть свои правила, поэтому я рад передать слово Розамире, которая расскажет вам о них. А потом мы все вместе насладимся трапезой. Я, как и вы, с нетерпением жду этого момента: сухарики и печенье вместо обеда — это не по мне.

Розамира сделала легкий реверанс и, улыбнувшись, обратилась к собравшимся:

— Я тоже рада приветствовать вас на нашем средневековом балу. Действительно, скоро мы все вместе сядем за стол. Амьен Свенсон, а она вместе со своей подругой Мари-Энн отвечала за обед, уже попробовала блюда и сказала мне по секрету, что они удались. Как вы знаете, и по традициям Средневековья, и по нормам наших дней гостям не надлежит разговаривать с набитым ртом. Но это так скучно — молча вкушать пищу и слушать музыку. Ведь вам есть что обсудить, правда? Поэтому я предлагаю... забыть об этикете и весело провести время за болтовней, ведь именно этим — болтовней — вы любите заниматься во время уроков.

В зале послышалось хихиканье, и Розамира чуть повысила голос:

— Также хочу напомнить вам, что в Средневековье совместное застолье считалось важным ритуалом, изгонявшим вражду. Поэтому стычки в пиршественном зале строго карались. Давайте и мы проведем этот бал без конфликтов, ведь это так приятно, когда все друг другу улыбаются.

Раздались одобрительные аплодисменты, кто-то оглушительно свистнул.

— Средние века иногда называют темными, — продолжила Розамира. — Применительно к ним часто звучит слово «мракобесие». Да, действительно, на это время пришелся расцвет инквизиции, инакомыслящих сжигали на кострах, в городах свирепствовали чума и другие болезни. Но так ли все было безнадежно? Я бы хотела напомнить о другой стороне Средних веков: это был период важных открытий, подготовивший почву для расцвета культуры Возрождения. Когда были изобретены вещи, без которых невозможно представить нашу жизнь сегодня, например очки и механические часы. В середине XV века великий Иоганн Гуттенберг создал метод книгопечатания. На этой почве выросла целая плеяда великих ученых. Николай Коперник, который развеял миф о том, что центром мироздания является Земля. В трактате «Об обращении небесных светил» он доказал, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца. Джордано Бруно предположил, что за пределами Солнечной системы есть и другие миры. Галилео Галилей, наблюдавший за небесными светилами через телескоп, также сделал важные открытия, и он, кстати, положил начало современной механике. Исаак Ньютон описал физические явления природы. Антуан Лавуазье совершил переворот в химии, избавив ее от мистицизма. Теперь вы понимаете, почему именно Средневековье мы выбрали темой нашего праздника? Это — великое время, когда чудо просвещения начало входить в жизнь людей, пусть и вопреки их желанию. А как литератор, я не могу не признать, что средневековые легенды и предания просто восхитительны!

Что же, я хочу пригласить всех погрузиться в эту волшебную атмосферу. Вперед! Нас ждет пир! Прозвучал звук рога, и все направились к огромному столу, предвкушая отличный вечер

Злая шутка

Амьен готовилась провести вечер в одиночестве. Все мальчишки заранее пригласили девочек, то есть пары были определены. Сама она понадеялась на Рене, но он ее предал. К Даниэлю она потом не подходила: стыдно было. И страшно, что он ей скажет?

Тем не менее она соорудила из своих длинных волос замысловатую прическу и украсила ее прозрачными бусами. Потом сделала несколько па перед зеркалом и улыбнулась своему отражению. Воздушное нежно-розовое платье подчеркивало хрупкость ее фигуры, на загорелом лице играл румянец. Амьен улыбнулась самой себе, и тут же ее сердце сжалось от горечи. Как жаль, что все так вышло... «А что, собственно, вышло?» — тут же отогнала она от себя грустные мысли. Подумаешь, пойдет на вечеринку одна! Их дружбу с Даниэлем не так-то легко расстроить. Просто... теперь она будет настороже. Завтра или послезавтра они с Даниэлем поговорят, и все недоразумения развеются. А пока она будет веселиться. Вот с этими намерениями Амьен и отправилась на бал.

За стол она села с краю, чтобы следить за подачей блюд. Каково же было ее удивление, когда три свободных стула рядом с ней заняли ее друзья: Даниэль, Этьен и Мари-Энн. Ну, насчет Мари-Энн она не сомневалась, а вот ребята...

— Привет! Какая ты сегодня красавица! — воскликнул Даниэль, с искренним восхищением глядя на девочку

— Вы???

— А ты кого-то другого ждала? Может, нам уйти?

Даниэль привстал, но Амьен со смехом усадила его обратно:

— Да нет, что ты! Я просто совсем не ожидала! Думала... А впрочем, неважно!

Официанты стали разносить праздничные яства. Уж кто-кто, а Амьен знала, что гости смогут попробовать жареной оленины с клюквенным соусом, рагу из телятины с нежнейшим пюре, жареные бараньи ножки с шафраном и запеченным картофелем, гуся с яблоками и изюмом и тушенного в белом вине и розмарине кролика. Повара также напекли пирогов с лесными ягодами, для любителей сладкого приготовили финики с орехами в меду и взбитые сливки и для всех — волшебный глинтвейн из виноградного сока, приправленный апельсиновыми корочками, имбирем, корицей, душистым перцем, мускатным орехом и гвоздикой.

Ребята набросились на еду, пробуя все подряд.

— Амьен, это невообразимо вкусно! — Этьен облилизнул пальцы, позабыв о салфетке, и принялся за следующее блюдо. — Правда, Даниэль?

Мальчик энергично закивал, так как его рот был набит.

— Как я рада, что вам нравится! — просияла Амьен. Но конечно, она была рада не из-за того, что еда оказалась вкусной. Это само собой. А вот то, что их четверка снова вместе и черная кошка, проскочившая между ними, не успела наделать больших бед, вот это настоящее счастье. Однако продолжить разговор не удалось. Веллингтон поманил мальчиков к себе, и они не без вздоха сожаления вышли из-за стола.

— Надеюсь, тут всё не съедят за это время, — вздохнул Этьен.

— Не бойся, я припрячу для тебя пару тазиков, — пошутила Мари-Энн.

— А куда это вы, кстати?

— Секрет! — сделал страшные глаза Этьен, и они с Даниэлем испарились.

— Вечно у них какие-то секреты от нас...

— Ты же знаешь, что они что-то готовили вместе с профессором к празднику, — сказала Амьен, но, признаться, и она была огорчена тем, что Даниэль ушел.

В это время раздался удар в гонг, и дракон в центре зала зашевелился. Глаза чудовища сверкнули рубиновым блеском. Открыв пасть, дракон издал такой страшный рык, что некоторые из девочек вскрикнули. Подруги были не робкого десятка, но и они вздрогнули. Из пасти дракона послышалось шипение, а затем вырвалось пламя, которое, однако, никому и ничему не причинило вреда. К дракону подскочили два рыцаря в средневековых доспехах и принялись угрожающе размахивать копьями. Их осыпали снопы искр, а Амьен подумала, что видела что-то подобное на городской площади во время выступления циркового факира. Наконец один из рыцарей проткнул грудь чудовища, и оно, издав последний протяжный рык, замерло.

В наступившей тишине раздался голос профессора Веллингтона:

— В средневековых легендах дракон олицетворял силы зла и хаоса. Эти силы грозили лишить мир источников жизни: воды, солнца, деревьев. «Червь», «змей» — вот как еще называли драконов. Вы только что видели битву доблестных рыцарей со злом, которое было побеждено, как это всегда, к счастью, и бывает.

Рыцари приподняли забрало, и по залу пронесся восхищенный шепот: с драконом сражались Этьен и Даниэль.

— Так вот что вы готовили все это время! А нам ничего не сказали! — обиженно надула губки Мари-Энн, когда Этьен вернулся на место.

— Тогда бы и сюрприза не получилось, — засмеялся мальчик. — Ведь вы, женщины, так любите поболтать.

— Это ты про нас? Да как тебе не стыдно!

Амьен решила переключить разговор, чтобы не дать разгореться перепалке:

— Ой, а как получилось, что огонь никого не обжигал? Это как у факира, который изрыгает пламя изо рта, а сам при этом не страдает, да?

Этьен кивнул:

— Принцип тот же. На самом деле придумать все с огнем было не сложно. Сложнее было заставить двигаться эту машину. Этот дракон страшно тяжелый, поэтому мы задействовали четырех человек: один управлял хвостом, двое — крыльями и один двигал головой. Он же, кстати, и огонь изрыгал. Как факир, ты права.

— Круто получилось, молодцы! — искренне похвалила Амьен.

Она улыбалась, но, если честно, через силу: Даниэля перехватили девочки в другом конце стола, и он беззаботно болтал с ними, видимо рассказывая о своих «рыцарских» подвигах. Пир между тем продолжался. Бросив взгляд на Рене, а он сидел напротив, чуть наискосок, Амьен увидела, как ее обидчик достал из-под полы плаща темную бутылку и, подмигнув приятелям, начал разливать содержимое в кубки.

— Что это там за подпольный бар образовался? — потянул носом Этьен, почувствовавший запах алкоголя.

— Рене, видно, решил изобразить, что он достаточно взрослый, чтобы пить вино.

— Да тут не вином, а чем покрепче пахнет, — нахмурилась Мари-Энн. — Точно вам говорю, там что-то на спирту. Я запах спирта терпеть не могу, а приходится его использовать для дезинфекции инструментов. У меня сразу тошнота к горлу подкатывает. Рене поднялся с кубком в руке и довольно громко произнес:

— Я пью до дна за нашу школу, которая не просто дает знания, а вскармливает будущую элиту мира: политиков и бизнесменов, художников и ученых. Мы будем менять мир и управлять остальными людьми. За вас, будущих правителей народов и властителей умов!

Вроде бы он говорил это в шутку, но Амьен стало неуютно, и она опустила голову, чтобы никто не заметил, как ее щеки покраснели. Она могла допустить, что многие из ее одноклассников действительно видели себя в будущем на самом верху, но лично ее это не привлекало. До девочки долетали обрывки фраз:

— Мой отец оплатил оборудование для обсерватории Астрополиса, и его имя будет выгравировано на памятной табличке.

— Мне мать сказала, чтобы я уже сейчас начал ходить на курс политических манипуляций. Они с отцом рассчитали, что уже через десять лет я смогу баллотироваться на выборах. А еще через пять лет меня ждет кресло вице-президента.

— А я, когда закончу Астрополис, возглавлю корпорацию.

Этьен, который тоже слышал эту пустую похвальбу, с усмешкой покачал головой:

— Интересно, а без родительских кошельков вы что-то можете? Ну, сами. Своей головой и своими руками?

Приятеля Рене переглянулись и засмеялись, однако ответ Рене заставила Амьен побледнеть:

— В Астрополисе скоро все будет иначе. Сейчас сюда принимают всех, надо только успешно сдать экзамен, но такая политика вредит репутации академии. Мой отец уже выдвинул предложение, чтобы кандидатуры абитуриентов обсуждались Советом учредителей. Конечно, это не дело, когда незаконнорожденная дочь нищей кухарки сидит за одним столом с приличными людьми. Возможно, будут пересмотрены списки всех курсов, чтобы исключить простолюдинов. Проучились годик-другой, и хватит. Им не место в лучшем учебном заведении мира.

Даниэль, подсевший к друзьям, резко вскинул голову, на его лице проступили красные пятна.

— Что ты сказал? Немедленно принеси свои извинения. Да как ты только посмел!

— И что же я такого сказал? — выпятил подбородок вперед Рене. — Сам знаешь!

— Я сказал правду, и только. — Рене криво усмехнулся и сквозь зубы прошипел еще что-то.

И тут на него обрушился удар. Как потом все говорили, он видел, что Даниэль занес кулак, но по какой-то причине даже не подумал защищаться, хотя драться умел и любил.

— Ааааааааааа! — со стоном упал на пол будущий властитель мира.

Кто-то из взрослых подбежал к мальчику и попытался поднять его. Но Рене никому не давал до себя дотронуться, катаясь как бесноватый. Потом он затих и не подавал признаков жизни. Вызвали врача, тот прощупал пульс и спросил, где болит сильнее, но Рене не ответил. Вроде бы он и пришел в себя, но лежал и мычал с закрытыми глазами. Было принято решение о его экстренной транспортировке в Нордбридж. Когда Рене клали на носилки, он отыскал взглядом Даниэля и выкрикнул так, что слышали все вокруг:

— Теперь тебя точно выгонят из школы! Тебя и дочку кухарки! У меня сотрясение мозга, а этого мой отец так не оставит!

Однако профессор Веллингтон покачал головой:

— Еще неизвестно, кого отчислят первым. Он тебя ударил, да, но ты нарушил самое главное правило школы: унижать наших учеников никому не позволено. Поэтому я буду разговаривать с твоим отцом о твоём отчислении.

— А что я такого сказал? — Рене с невинным видом уставился на профессора.

— Были свидетели, мой дорогой, которые подтвердят, что зачинщиком драки выступил именно ты. И я бы отчислил Даниэля, если бы он не поступил так, как поступил. Что касается сотрясения мозга, то, похоже, оно у тебя уже давно. Не могу представить, чтобы человек в здравом рассудке мог говорить такие вещи. Так что придется провести медицинскую экспертизу, но не на предмет нанесенных тебе увечий, а на предмет твоего душевного состояния. Я опасаюсь за жизнь и здоровье других учащихся, я ведь отвечаю за них!

Стоящие рядом школяры прыснули от смеха. Учителя из педагогических соображений смеяться не могли, но с трудом сдерживали улыбки. Рене скрипнул зубами от ярости, но не решился возразить. Однако в его взгляде, брошенном на Амьен, сквозила такая ненависть, что девочка поежилась.

Рождество и перемирие

Рене провел в больнице чуть больше недели, и все это время школа обсуждала случившееся. Все знали, что причиной стала драка с Даниэлем. А вот что послужило поводом для ссоры, об этом знали немногие, лишь те, кто был в этот момент рядом.

Профессору Веллингтону удалось замять неприятную историю, даже несмотря на угрозы Люмьера-старшего. Отец Даниэля, он по-прежнему был бургомистром, считал нужным навестить Рене в больнице, чтобы задать ему ряд вопросов. И стал свидетелем весьма красноречивого происшествия. Рене, которого не предупредили о визите высокопоставленного лица, убежал от медсестры, пытавшейся померить ему температуру.

При этом он произносил такие слова, которые уж точно нельзя писать на бумаге. Заметив бургомистра и его свиту, он изобразил, что падает в обморок. Но выглядело это глупо, и бургомистр вынужден был признать, что мальчишка не так уж и пострадал. На следующий день Рене выписали, к великой радости пациентов и медперсонала.

В Астрополис Рене вернулся ближе к экзаменам, перед католическим Рождеством и длинными зимними каникулами. Встречаясь с Даниэлем в коридорах школы и на лекциях, он отводил глаза, что было не похоже на его обычную манеру держаться. С Амьен и ее подругой он вежливо здоровался и торопился пройти, вид у него при этом был жалкий. Мари-Энн даже предположила, что Рене изменился в лучшую сторону:

— Похоже, этот случай пошел ему на пользу. Может быть, он понял наконец всю мерзость своего поведения? Ему теперь стыдно в глаза людям смотреть!

— А я ему не верю, — тяжело вздохнула Амьен. — Только не подумай, что во мне говорит обида. Я давно его простила, ведь сама была как дурочка. Но мне кажется, он остался таким же подлым, способным на удар исподтишка. Понимаешь... он так умело манипулировал моими чувствами. Я и правда поверила, что он исправился и теперь мой друг.

— Как будущий медик, могу предположить, что он страдает редким психическим заболеванием. — В глазах Мари-Энн зажегся боевой огонь.

— Еще скажи, что ты готова исследовать его как пациента. Даже если он и вправду болен, очень сомневаюсь, что это излечимо.

Однако Мари-Энн уцепилась за свою мысль и стала доказывать, что это новый, неизвестный науке вид паранойи, которую можно попытаться вылечить. Выслушав ее, Амьен пожала плечами и на всякий случай предупредила:

— Знаешь, с ним надо держаться настороже. И стараться не нарушать правила Астрополиса, а то этот псих обо всем донесет директору. А точнее, своему папаше, чтобы тот давил на профессора Веллингтона.

— Быть стукачом — последнее дело, — возмутилась Мари-Энн. — Он не пойдет на это. Амьен снова не согласилась:

— Тебе не кажется, что он все время вертится где-то рядом, с чего бы это? Сегодня раз пять с ним столкнулись. Точно что-то вынюхивает! С ним надо быть поаккуратнее!

Но Мари-Энн легкомысленно отмахнулась от предупреждений подруги. Может быть, она и вправду была убеждена в том, что Рене болен и ему надо помочь, может быть, свою роль сыграла очередная ссора с Этьеном, а может быть, и по той причине, что она всегда предпочитала делать ровно наоборот тому, о чем ее просили, но она стала гораздо дружелюбнее вести себя с Рене, даже вызвалась помочь ему с подготовкой к контрольной по биологии. На вопросы удивленных друзей она ответила, что Рене, пока лежал в больнице и долечивался дома, пропустил несколько важных лекций и что в Астрополисе принято помогать друг другу: «Разве вы забыли?»

Даниэль, как и Амьен, не одобрял действия Мари-Энн, но в отличие от Этьена, который тут же высказывал все, что думает, он предпочитал держать свое мнение при себе, и уж тем более если оно никак не могло повлиять на ситуацию.

Он избрал другую тактику. Зная прекрасно, что внезапно возникшая «дружба» раздражает Амьен и Этьена, он старался как можно чаще попадаться на глаза стихийно сложившейся парочке. Стоило Рене и Мари-Энн присесть в одной из оконных ниш и начать разговор, как он пристраивался на соседнем подоконнике с книгой в руках и погружался в чтение. Сидел, переворачивал страницы, похрустывал яблоком и время от времени поглядывал на Рене. Тот начинал краснеть, дергаться и в конце концов убегал.

Мари-Энн это злило.

— Зачем ты ходишь за нами по пятам? — сердито спросила она однажды.

— Я? За вами? — пожал плечами мальчик. — Я просто здесь сижу и читаю. Разве я помешал вам?

— Как у тебя хватает выдержки спокойно смотреть на Рене? Меня трясет от одного его вида! — это уже спросила Амьен, когда они с Даниэлем обедали в столовой.

Тот пожал плечами:

— Я отношусь к этому как... Ну, как к прикрытию нашей подруги. Я отлично вижу, что Этьен психует, но скрывает свои эмоции. И я боюсь, что глупенькая Мари-Энн может стать следующей его жертвой.

— Ты думаешь, он что-то против нее замышляет?

— Не исключено. Сама она считает, что держит ситуацию под контролем. Но боюсь, в искусстве построения интриг Рене нет равных, и она просто не представляет, куда лезет. Поэтому я лучше буду рядом. Мое присутствие заставляет его дергаться, а это может помешать его планам.

К счастью, контрольная по биологии благополучно была написана, и все, включая Рене, которого занятия с Мари-Энн уже достали, перевели дух. Мари-Энн сочла, что сделала то, что должна была сделать, и теперь не носилась за Рене с учебником в руках.

На вопрос Амьен, как она оценивает психическое состояние «больного», Мари-Энн задумчиво ответила:

— Да вроде бы он нормальный.... Но что-то такое иногда проскальзывает... Бешенство, что ли... Думаю, с психикой у него что-то не так...

— Ага. Или с воспитанием! — Амьен была непримирима.

Но Мари-Энн не согласилась:

— Нет, все-таки с психикой. Понимаешь, очень странная была ситуация... Мы как-то сидели после уроков и о чем-то мирно болтали — он начитанный, с ним интересно.

— Да уж, это мы проходили: берет интеллектом! — с горечью рассмеялась Амьен.

— Я заметила, что он подстраивается под собеседников. Со мной он такой, каким бы я хотела его видеть: эрудит, очень контактный, открытый. С учителями он, особенно после больницы, образец послушания. С приятелями — заводила, может на всякое подбить. И он всегда контролирует ситуацию. Я только один раз видела, как он вышел из себя. Это недавно случилось, и после этого мы перестали общаться. Я была в библиотеке и взяла книгу о Микеланджело, с иллюстрациями. И в тот же вечер мы с Рене обсуждали Босха, которым он восхищался. Я, честно говоря, Босха не очень понимаю, мне он кажется дьявольским. А Рене с пеной у рта доказывал, что Босх — самый гениальный художник всех времен и народов. Так вот, во время нашего разговора моя сумка случайно упала, книга вывалилась и раскрылась на странице, где была изображена фреска из Сикстинской капеллы. Рене наверняка бывал в Риме и видел ее.

Так вот, бросив взгляд на книгу, он побледнел и отвернулся. А я... Я подняла книгу и сказала, что Микеланджело, по моему мнению, и есть гениальный художник. Он превозносит

не только красоту, но и созидание. На этой фреске Микеланджело изобразил момент сотворения Богом первого человека — Адама. Вдохнув в него жизнь, он передал ему часть своего творческого дара. Увидев работы Микеланджело, даже неверующий человек способен поверить в Бога, я это так понимаю. А Рене с ненавистью выпалил: «Все это бабкины сказки! Никакого Бога нет!» — и, резко развернувшись, ушел. Правда, потом он извинился, сослался на головную боль. Но выглядело это очень странно, очень...

Амьен покачала головой:

— Это не странно, это ужасно. Если человек на дух не переносит прекрасное в искусстве, а восхищается инфернальным, дьявольским, то это и вправду ненормально. Спасибо тебе!

— За что? — Мари-Энн удивленно посмотрела на подругу.

— Твой рассказ заставил меня пересмотреть отношение к Рене: теперь я и вправду буду считать, что он болен. Это тяжелая болезнь — ненависть к жизни.

На Рождество Амьен и Даниэль отправились домой, в Нордбридж. Чтобы повидать дочь, в Нордбридж приехала и Эльза. В подарок от нее девочка получила кухонный набор для путешествий, несколько мешочков с заморскими специями и целую тетрадь рецептов необычных блюд. А Амьен, чтобы порадовать мать, сделала красивый браслет из разноцветных бусин. К сожалению, в Астрополисе у нее не было возможности воспользоваться ювелирными инструментами, но она исхитрилась все сделать так, что от браслета было глаз не оторвать. Несомненно, ей передан талант отца. Эльза похудела и загорела во время странствий. Амьен с радостью отметила, что глаза матери сияют радостью. Все вокруг говорили, что теперь мать и дочь похожи на двух сестер. «Как хорошо, что мама нашла себя», — думала девочка.

Рождество в домашнем кругу пролетело быстро, и Амьен с Даниэлем засобирались в Астрополис. Еще не все экзамены были сданы, и к тому же их ждали Этьен и Мари-Энн. Эльза тоже готовилась к отъезду. Она решила изучить средиземноморскую кухню, а начать приятное знакомство ей хотелось с Греции.

— Твоя мама — супер! — Даниэль доел вкуснейший пирожок с мясом и сразу же протянул руку к следующему. — Мало того, что готовит отлично, так еще и ездит, куда захочет. Я ей даже немного завидую: это здорово — все время узнавать что-то новое.

— Я бы с удовольствием составила ей компанию в этой поездке, потому что очень люблю море. Говорят, море в Греции удивительно красивое и романтическое. Если мама задержится там до лета, я бы съездила к ней на каникулы.

— Возьмешь меня с собой? Я с отцом договорюсь.

— Это тебя так море привлекает или возможность есть пирожки в неограниченном количестве? — Амьен со смехом отодвинула тарелку. — Оставь ребятам хоть немного, обжора!

— Признаться честно, мне и то, и другое кажется привлекательным.

— Ладно, так и быть, возьму тебя с собой. Только боюсь, к нам захотят присоединиться и другие, когда попробуют мамин гостинец.

Необычная книга из необычной библиотеки

Вечером того дня, когда Даниэль и Амьен вернулись, друзья все вместе собрались на кухне. Все пирожки были съедены, все новости рассказаны, и Мари-Энн с заговорщицким видом отозвала Амьен в сторону:

— Представляешь, в Астрополисе есть одна книга Авиценны — примечания к его известному труду *«Канон врачебной науки»*. Книга хранится в закрытых фондах. Я не знаю, почему ее не дают ученикам, но мне она очень, очень нужна для моего проекта!

Амьен укоризненно покачала головой:

— Если ты намекаешь на поход в библиотеку Тайных знаний, то я пас. Ты ведь в курсе, что нам запрещено туда ходить?

Мари-Энн сложила на груди руки и умоляюще посмотрела на подругу, всем своим видом выражая отчаянную мольбу:

— Но я хочу попасть лишь в медицинскую секцию, никаких эзотерических книг я читать не собираюсь. Просто для лекарства, которое я готовлю, нужно проверить одну версию, и я уверена, что найду там ответ!

Амьен еще раз попыталась урезонить Мари-Энн, понимая, однако, что, раз подруге что-то запало в голову, переубедить ее будет непросто:

— Можешь мне не говорить, что ты на все готова, лишь бы изобрести лекарство от всех болезней! Но ведь проникнуть в библиотеку Тайных знаний — это же настоящее нарушение, за которое нам влетит! И возможно, даже грозит отчислением. Неужели тебя это не пугает?

Мари-Энн со слезами на глазах ответила:

— Я в одном шаге от того, чтобы найти главную составляющую. Я не могу остановиться на полпути. — Она помолчала немного, а потом дрогнувшим голосом продолжила: — Тебе хорошо рассуждать, ведь твоя мама жива. А моя умерла, когда я была совсем маленькой. Ни один врач не смог излечить опухоль, пожиравшую ее изнутри. Я до сих пор помню, как она плакала от боли. В память о ней я поклялась, что посвящу свою жизнь медицине. Я на все готова пойти, чтобы победить эту гадину-болезнь.

Мари-Энн отошла к окну и стала рисовать пальцем на стекле какие-то узоры. Наступила тишина, изредка прерываемая всхлипами. Амьен подошла к подруге и обняла ее за плечи. За окном пушистые снежинки кружились в свете фонаря. Какие бы доводы сейчас ни привести, они не помогут. Поэтому девочка тихонько спросила:

— Когда пойдем? Ребят с собой возьмем?

Мари-Энн порывисто обернулась к ней и широко улыбнулась:

— Можно сегодня ночью. Ребят брать не обязательно, но лучше, наверное, позвать, а то они обидятся. И да... После нашего последнего посещения вход в библиотеку запечатан. Открыть его можно специальной печатью, которая хранится в учительской. Я поговорила с Ван Дербейтом — все-таки здорово, что он теперь у нас преподает! — и он согласился мне помочь. Но при одном условии: твое присутствие обязательно. Почему-то он не хочет идти туда без тебя: видно, там может понадобится твой перстень, Сапфира. Веллингтон как раз сегодня ночью уехал в Нордбридж по каким-то административным делам. Так что путь открыт!

Амьен рассмеялась:

— Да у вас целый заговор сложился. Раз вы так хорошо подготовились и Ван Дербейт с нами, то я конечно же не против.

— Перстень у тебя с собой?

— Да! Я теперь стараюсь не расставаться с Сапфирой. — Амьен показала небольшой мешочек, который носила на груди.

Ближе к полуночи все пятеро встретились в читальном зале библиотеки Астрополиса. С собой у них были фонарики, блокноты для записи, карандаши и калька, которой их снабдил Ван Дербейт. Пока ребята бесшумно передвигались по темным коридорам, ведущим в подземелье, Ван Дербейт объяснял им, как работать со старинными манускриптами:

— Ни в коем случае нельзя выдирать страницы и потом приклеивать. Понимаю, это банальные вещи, но, поверьте, я столько вандалов повидал на своем веку. Зачем портить книгу, когда можно переписать нужные тексты, скопировать их. Раньше в монастырях были целые артели, которые переписывали старинные летописи и перерисовывали иллюстрации.

— Но почему тогда нам не выдают редкие книги? Мы могли бы под присмотром учителей работать с ними! — Этьен выразил давно накопившееся возмущение всех учащихся, которые знали о редких экземплярах и мечтали хотя бы полистать их.

Ван Дербейт покачал головой:

— Это не прихоть руководства академии, а меры предосторожности. В подземном хранилище создан специальный микроклимат, к которому книги привыкли. Выдавать их для чтения в общем зале невозможно. Вы даже не представляете, какими хрупкими становятся страницы, попадая на свет!

Этьен тяжело вздохнул:

— А, ясно... Но тогда хоть бы пускали нас в этот склеп, а то сплошные запреты! Получается, что такие нужные многим знания заживо похоронены.

Ван Дербейт как раз открывал дверь в следующий отсек и немного помедлил с ответом. Но когда все вошли в комнату с низкими каменными сводами, он сказал:

— Если пускать всех в Тайную библиотеку, то придется надзирающих нанимать. А это должны быть не просто специалисты, а проверенные люди. Где таких взять?

— А для чего нам калька? Неужели мы будем тексты обводить карандашом? Ведь это тоже вредно для книг.

— Бумажные книги не будем, а вот тексты, высеченные на камне, и тексты на глиняных плитках вполне можно скопировать с помощью кальки. Однако хватит разговоров: мы пришли. Мари-Энн, тебе нужно в этот зал. У тебя будет около часа, чтобы поработать с книгой. Кстати, Этьен, здесь есть отличные материалы по астрологии. А вон там, направо, собраны книги по механике.

— Ух ты! Класс! — хором воскликнули мальчики.

— Я бы хотел показать Амьен одно любопытное место, — продолжил Ван Дербейт. — Через некоторое время мы вернемся сюда, но вы, если хотите, можете пойти с нами.

— Я, пожалуй, здесь останусь, а ты, Даниэль? — Этьен вопросительно посмотрел на друга, который колебался между возможностью заглянуть в древние рукописи и долгом дружбы, повелевавшим ему быть рядом с Амьен.

Но Ван Дербейт развеял его сомнения, хлопнув по плечу:

— За свою подругу можешь не беспокоиться, со мной она в полной безопасности. И мне проще, если вы все трое будете рядом. Мы с Амьен отойдем совсем недалеко, и если что-то вас потревожит, нам можно будет подать сигнал. Сейчас я вам покажу, как это можно сделать.

Ван Дербейт подошел к вентиляционному люку, закрытому чугунной решеткой с готическими узорами, и, нажав на центральный цветок, легко сдвинул решетку в сторону. В люк без всякого труда мог бы пролезть худощавый подросток. Предупредив порыв Этьена, который уже готов был сунуться в темную глубину, Ван Дербейт, посветив фонариком, показал им на несколько ответвлений:

— Система вентиляции проходит по всему зданию. Когда я сам учился в Астрополисе, а это было очень давно, мы норовили исследовать все ходы, но после одного несчастного случая везде были поставлены решетки, и не все из них можно сдвинуть, как эту. Но здесь прекрасная акустика, и если договориться об условных обозначениях, мы можем подавать друг другу сиг-

налы. Самый простой способ общения — система хлопков. Два хлопка — все в порядке. Три раза — встречаемся в условленном месте. А вот четыре и больше подряд — что-то случилось. Все понятно?

Ребята кивнули, продолжая с интересом всматриваться в темноту. Похоже, слова Ван Дербейта о несчастном случае они пропустили мимо ушей. И только рассудительная Мари-Энн сделала шаг назад.

— Ну что же, мы пойдем, а вы не теряйте времени даром. Амьен, ты не против, я надеюсь? Или тебе интереснее почитать про свойства разных трав вместе с подружкой?

— Нет, я с вами...

— Будь аккуратна. Если что, хлопай в ладоши, кричи, и я сразу приду, — шепнул девочке Даниэль.

Она ответила ему крепким рукопожатием и с благодарностью посмотрела в глаза. Посещение подземного хранилища не казалось ей таким уж увлекательным. Вероятно, в ней не было таланта исследователя, каким с лихвой обладали ее друзья. Напротив, это место пугало ее. Ей казалось, что лучше не соваться туда, где все пронизано мистикой. Библиотека библиотекой, но ведь говорили же, что здесь спрятаны рабочие книги колдунов и ведьм. Как бы лиха не случилось. Хотя... от судьбы не убежишь. Так уж получалось в последнее время, что тайны сами находили Амьен, как бы она ни противилась. Девочка вздохнула и шагнула вслед за Ван Дербейтом в сумрак узкого коридора.

Они прошли буквально несколько шагов, как вдруг Ван Дербейт резко остановился. Он осветил коридор фонариком, прибавив мощности, и Амьен увидела семь фигур в порывавших от ржавчины рыцарских доспехах. На груди у одного из них слабо мерцал небольшой, но качественно ограненный рубин.

Ван Дербейт перехватил ее взгляд, радостно присвистнул и направился именно к этой фигуре. Постояв немного напротив рыцаря, словно раздумывая о чем-то, он сделал семь шагов влево и начал шарить рукой по стене в нише. Раздался протяжный скрип несмазанных петель, пахло затхлым, как из склепа. Амьен поежилась, по спине пробежали мурашки, но Ван Дербейт уже вошел внутрь, и девочке ничего не оставалось, как последовать его примеру. Ее глазам открылся узкий коридор, уставленный книжными шкафами.

— Сейчас попытаюсь вспомнить, куда я поставил книгу в прошлый раз... — сказал Ван Дербейт. Светя фонариком, он пытался прочитать названия на корешках, опутанных многолетней паутиной.

— Вы здесь уже бывали? — Амьен боязливо оглядывалась по сторонам; она бы многое отдала, чтобы убежать отсюда.

— Да, приходилось по долгу службы. Ах, вот она! — радостно воскликнул профессор и вытащил книгу в потертой бархатной обложке цвета васильковой лазури. — Ну что же, уже неплохо, что не пришлось терять время на поиски. Идем.

С этими словами он махнул девочке рукой, и через несколько шагов они оказались в маленькой комнате. Вдоль стен и здесь стояли шкафы с книгами, а в центре — стойка библиотечка, заваленная какими-то бумагами. Амьен поежилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.